

Можно представить, что чувствовал старший лейтенант Толстой, подписывая такое постановление. Еще немного, и дело уничтожения «поповской верхушки» его руками будет доведено до конца.

Господь, однако, судил иначе. В 1939 году сам Толстой, как следует из материалов дела, которое он вел, был осужден «за должностное преступление»⁴⁸. Дальнейшая судьба тех, кого намечалось привлечь по выделяемому из следственного дела № 11550 самостоятельному делу, также известна.

*Протоиерей Николай Доненко
(Симферополь)*

ЕПИСКОП ЖИТОМИРСКИЙ МАКСИМ (РУБЕРОВСКИЙ)

Энергичная деятельность волынских архиереев, таких как митрополит Антоний (Храповицкий), архиепископ Евлогий (Георгиевский), священномученики Фаддей (Успенский) и Амвросий (Гудко) принесла свои результаты и подготовила почву для создания Свято-Никольского братства, объединившего в себе лучших людей Житомира. В 1922 году вдохновителя и организатора братства протоиерея Аркадия (Остальского) арестовали, братство попытались разогнать. Но вопреки всему церковная жизнь в Житомире оставалась традиционно крепкой, пока НКВД не предпринял попытку окончательно решить церковный вопрос характерными методами для того времени.

7 сентября 1937 года оперуполномоченный IV отдела НКВД Житомира лейтенант Камраз В.И. выписал постановление об аресте группы антисоветски настроенных священнослужителей, которые объединились вокруг вернувшегося из ссылки в родную епархию епископа Максима (Руберовского). В «Постановлении» было сказано, что епископ Максим и те, кто сгруппировался вокруг него, «проводят организованную контрреволюционную работу, направленную против всех мероприятий советской власти, внедряют населению пораженческие настроения и искажают Сталинскую Конституцию».

13 сентября 1937 года епископ Максим был арестован в своей квартире. При обыске ничего особенного, кроме нескольких золотых монет царской чеканки и священнических облачений у него не нашли. В тот же день состоялся первый и единственный допрос.

Епископ Максим (в миру Михаил Иванович Руберовский) родился 25 октября 1878 года в селе Лестяки Гороховского уезда Владимирской губернии в семье священника. Окончил Владимирскую семинарию, учительствовал в Давидовской двуклассной школе. В 1910 году поступил в Московскую Духовную Академию. В 1914 году пострижен в мантию и рукоположен во иеромонаха. В том же году с 12 августа Руберовский – помощник смотрителя Житомирского духовного училища. С 28 декабря 1916 года – инспектор Волынской духовной семинарии.

В 1924 году епископ Аверкий (Кедров) в сослужении с другими епископами Волыни хиротонисал Руберовского во епископа Полонского, викария Волынской епархии.

Молодому архиерею пришлось сразу же включиться в невероятно сложную, наполненную противоречиями и проблемами церковную жизнь. В 1922 году состоялся открытый образцово-показательный суд над протоиереем Аркадием Остальским, открыто выступившим против изъятия церковных ценностей. Из свидетеля по делу протоиерея Остальского епископ Аверкий превратился в обвиняемого и был осужден.

Управление Житомирской епархией легло на плечи епископа Максима. На епархиальном съезде в конце февраля 1924 года значительная часть духовенства признала обновленческий Харьковский синод, но часть духовенства, в первую очередь, из братства протоиерея Аркадия Остальского не согласилась с этим решением и покинула собрание.

Епископ Максим 25 января 1925 года писал в Губликвидком: «Я лично присоединился к резолюции меньшинства, отвергающего современное обновленчество и не признающее Харьковский обновленческий синод как высший орган церковной власти на Украине и, в частности, на Волыни, так как я сохраняю за собою права по управлению Волынской епар-

⁴⁸ Там же. Л. 355.

хийей, переданной мне епископом Аверкием перед отъездом из Житомира 6.ХІ. 1924 года, то в силу вышеизложенного считаю долгом донести до сведения Губликвидкома, что отныне я персонально независимо от избранного съездом епархиального управления, если Бог благословит, буду управлять Волынской епархией, разумеется, в той части ее, которая, держась со мною одинаковой религиозной ориентации, признает меня своим законным епископом и найдет необходимым обращаться ко мне по церковным делам.

25 января 1925 года
еп. Максим».

В этот период, насыщенный всевозможными событиями, епископ Максим предстал своей пастве как мудрый и верный патриаршей церкви архиерей.

12 августа 1928 года епископа Максима административно выслали на Урал в Берездов на три года, за то что он «примыкал к тихоновскому движению и занимался антисоветской агитацией», а там, в ссылке, за «антисоветскую агитацию» ему продлили срок еще на три года. По версии следствия, в Любарском, Чудновском и других районах Житомирской области действовала организация, имевшая два направления: одно за Украинскую Народную Республику во главе с Вдовиченко, и другое, русское — за создание «Единой Неделимой России» с конституционно-демократическим строем, которое возглавлял некий Николай Панкевич, давший показания на епископа. По его свидетельству, «епископ Максим делал нелегальные собрания в доме священника Голубовича, а потом в доме Петрука и говорил, что нужно всеми силами возбуждать в народе враждебное отношение к советской власти и не подчиняться обновленческому Харьковскому синоду» и т.д.

Отбыв наказание, епископ Максим в июле 1935 года вернулся Житомирскую епархию, где его знали и любили как ревностного архиерея, исповедничеством доказавшего свою верность Православию.

Владыка поселился на квартире священника Анатолия Скалозубова, в комнате, которую уже снимал архимандрит Спиридон (Лукич), в прошлом насельник Свято-Почаевской Лавры. В 1934 году, отказав в получении паспорта, власти выселили Лукича из Киева в Житомир. Архимандрит проводил тихую, строго монашескую жизнь, и, не снимая подрясника, зарабатывал на жизнь покраской крыш. К ним поселился еще один монах, и они жили вместе, разделив комнату ширмой. При этом епископ Максим принимал ежедневно посетителей из Житомира и окрестных деревень. За советами по церковным вопросам к нему приезжали и из других городов.

Архиепископ Житомирский Филарет (Линчевский) жил в Киеве. На своей кафедре был нелюбим за жестокое обращение со священнослужителями и появлялся редко. Естественным образом центром церковной жизни стал епископ Максим. Он хорошо знал церковную жизнь Житомира, и ему там доверяли.

Так что по всем вопросам священнослужители беспрепятственно обращались к епископу Максиму. Можно сказать, что он в этот период в полной мере управлял Волынской епархией. Духовно-нравственный авторитет владыки признавался всеми; остатки когда-то многочисленного Свято-Николаевского братства, организованного протоиереем Аркадием Остальским, поддерживали его безоговорочно. Но были и те, кто утратил реальную связь с православием и свою гордыню поставили выше интересов церкви. Некий священник Иван Фомич Крашановский, расстриженный за одновременное сожителство с двумя женщинами, имел претензии к епископу Максиму по делам своего прихода. Он решил отомстить епископу и написал донос в НКВД о «контрреволюционной деятельности» архиерея и всех, кто был с ним рядом.

В один день с епископом Максимом были арестованы архимандриты Спиридон (Лукич), Алипий (Янкин), Ксенофонт (Горбатюк), Серафим (Головинский Иван Северинович), протоиерей Вячеслав Горбацевич и мирянин Мамонт Лебедь.

На допросе епископ Максим держался мужественно и категорически отрицал все обвинения следствия.

— УГБ известно, что вы проводили контрреволюционную работу. Дайте показания по существу.

— Я контрреволюционную работу не проводил.

— Вы давали установки духовенству проводить среди прихожан антисоветскую агитацию, направленную против всех мероприятий Советской власти.

– Я таких установок не давал.
– Что побудило вас прибыть на жительство в Житомир?
– Меня побудило приехать в Житомир то, что в городе у меня много знакомых, а город мне знаком издавна.
– Поддерживали вы связи с прихожанами бывшей Полонской епархии?
– Верующие меня поддерживали материально. Приезжали на богослужение в Житомир.
– НКВД известно, что вы прибыли в Житомир как пограничный город в расчете на возможную перемену власти и вытекающую отсюда возможность объединиться с духовенством Польши. Отвечайте по существу вопроса.

– С этой целью я в Житомир не приезжал.

На вопрос с кем он общался в Житомире, епископ Максим назвал архимандрита Спиридона (Лукича), архимандритов Алипия (Янкина) и Ксенофонта (Горбатюка), священника Михаила Иваницкого и др., с кем на глазах у всех молился в церкви на Русском кладбище.

– Находясь в кругу названных выше людей, какую антисоветскую работу вы проводили и как они реагировали?

– Разговоров на антисоветскую тему у нас не было. Показания записаны с моих слов верно, мне прочитаны, в чем и расписываюсь. Руберовский.

Это был единственный допрос, не принесший следствию желаемого результата. Также мужественно и твердо держались сподвижники епископа Максима.

Архимандрита Спиридона (Лукича) следователь допрашивал с 8 вечера до 8 утра и, очевидно, не все вошло в протокол. Следователь спросил, почему он принял на квартиру человека, отбывшего срок за контрреволюционную деятельность?

«О том, что епископ Максим отбывал наказание за контрреволюционную деятельность, – ответил архимандрит, – мне было известно, но я не считал преступлением принять его на квартиру». На вопрос: «Какую вы проводили контрреволюционную работу?» архимандрит Спиридон ответил: «Я лично никакой контрреволюционной работы не проводил», но оговорился, что к епископу часто приходили священнослужители, подолгу говорили и только один раз он услышал, как Руберовский в разговоре с ним одобрял новую Конституцию, согласно которой, «духовенство будет жить хорошо, церкви закрывать не будут, а которые закрыли ранее – откроют».

Мужественно и бескомпромиссно повели себя союзники епископа Максима архимандрит Алипий (Янкин) и архимандрит Ксенофонт (Горбатюк). Они категорически отвергли обвинения следователя и не признали себя виновными, а также не дали никаких материалов против епископа Максима. Их дело было выделено в отдельное производство. 9 декабря 1937 года они были осуждены, а 29 – расстреляны.

Иеромонах Серафим (Головинский) также остался непреклонным и виновным себя не признал. И только протоиерей Вячеслав Горбацевич, которому доверял епископ Максим, вознаграждал усилия следователя. Он еще в 1922 году был завербован и сотрудничал с органами, правда, не очень охотно. Его арестовали в 1928 году за сочинение антисоветского стихотворения «Ответ Демьяну Бедному» и за то, что «будучи секретным сотрудником органов ГПУ уклонялся от работы с ними, не выполнял указаний и заданий секретного отдела ГПУ, преднамеренно тормозил работу по обновленчеству».

На следствии Горбацевич заявил: «В разговоре с Руберовским я неоднократно говорил, что Советская власть издевается над населением. По существу в СССР никакой свободы слова нет, коммунисты делают, что хотят <...>. Мои взгляды полностью разделял Руберовский. Он также неоднократно выражал недовольство существующим советским строем, говорил, что власть мучит народ голодом, издевается над людьми, даже не давая свободно помолиться. По словам епископа Максима необходимо проводить организацию духовенства и верующего населения для оказания массового сопротивления органам власти при закрытии церквей и насилия над верующими».

Следователю удалось еще привлечь нескольких лжесвидетелей, давших для расправы над архиереем удобные показания.

Малограмотный крестьянин Мамонт Лебедь на допросе утверждал, что организовал контрреволюционную группу и завербовал в нее ряд архимандритов.

Священник Порфирий Коранский признался, что епископ Максим советовал ему не пускать сына в комсомол, так как там его нравственно развратят.

Другой священник Антон Синецкий дал более обширные показания: «Мне известно, — утверждал Синецкий, — что в Житомире есть контрреволюционная группа монахов, подконтрольная беглому духовенству. Местом жительства избран Житомир, потому что он находится у границы и является центром религиозного движения в прошлом, т.е. базой для проведения контрреволюционной работы. Несмотря на то, что руководители этой группы епископы Аркадий Остальский и Аверкий Кедров репрессированы, их единомышленники объединились вокруг епископа Максима и проводят контрреволюционную работу <...>. Приехав в Житомир, епископ Максим нелегально присутствовал на богослужениях и принимал участие в таковых, а также у себя на квартире вел специальные беседы» и т. д.

Проведенная 16 ноября 1937 года очная ставка также не принесла желаемого результата. Протоиерей Вячеслав Горбацевич повторил свои обвинения в присутствии епископа Максима: «С Руберовским я был в дружественных отношениях и неоднократно посещал его квартиру. В разговорах с ним часто выражал недовольство существующей властью и ее мероприятиями. Руберовский полностью разделял мои контрреволюционные взгляды. Он говорил, что Советская власть издевается над населением, что по существу в СССР грубая диктатура верхушки партии. Коммунисты мучают население голодом, даже не дают возможности верующим свободно молиться» и т. д. На все обвинения епископ Максим ответил кратко и определенно: «Показания обвиняемого Горбацевича Вячеслава я отрицаю».

Очные ставки с соузниками владыки архимандритами Алипием (Янкиным) и Спиридоном (Лукичем) и другими также ни к чему не привели, все отрицали свою причастность к контрреволюционной деятельности и мифической оргиназации под руководством епископа Максима.

Но отсутствие фактов и категорическое отрицание вины на допросах и очных ставках не остановило карательную машину НКВД. И уже на следующий день 17 ноября 1937 года лейтенантом Полищуком было составлено «Обвинительное заключение», в котором говорилось: «НКВД Житомира вскрыло контрреволюционную группу монахов, проводивших контрреволюционную деятельность. Данную группу возглавлял возвратившийся из ссылки епископ Полонский, монах Максим, Руберовский Михаил Иванович, проводивший среди наиболее реакционно настроенного духовенства и церковного актива работу, направленную <...> на внедрение на почве религиозных убеждений контрреволюционных пораженческих взглядов».

Владыку Максима приговорили к высшей мере наказания и расстреляли 23 ноября 1937 года в Житомире.

Архимандрит Спиридон (Лукич) получил 10 лет, отбыл свой срок в Вятлаге НКВД.

Еще в 1939 году он написал заявление с просьбой пересмотреть его дело, но безуспешно.

В своей жалобе архимандрит Спиридон писал, что его арестовали в ночь с 29 на 30 августа 1937 года, во время обыска изъяли все рукописи. Допрашивало его столько людей, что он так и не понял, кто ведет следствие. «Приписывали и требовали признаться в том, что и не снилось, но закончилось тем, что я якобы был завербован епископом Максимом (Руберовским), жившим со мною одно время на одной квартире, и что я был членом возглавлявшейся епископом Максимом подпольной контрреволюционной организации. От меня требовали и увещеваниями, и угрозами рассказывать, что я знаю о контрреволюционной деятельности епископа Максима и других, о том, что мною сделано в том же направлении по директивам Руберовского <...>. Я не состоял никогда членом таковой или подобной организации и, разумеется, рассказывать о том, чего не знал и чего не было — не мог. За весь период моего совместного проживания с епископом Максимом в одной комнате у него никогда никакие собрания не организовывались...».

В том же 1955 году на основании жалобы архимандрита Спиридона (Лукича) был передопрощен прот. Вячеслав Горбацевич. Архимандрита Спиридона Горбацевич охарактеризовал как хорошего монаха, не отступившего от монашеских норм поведения. И далее он заявил: «В процессе следствия в 1937 году я по совету одного заключенного, сидевшего со мной в одной камере, себя оговорил, показал несуществующие факты с тем, чтобы избе-

жать круглосуточных допросов, которые меня изнурили. Епископа Максима я знал с 1936 года, часто ходил к нему на квартиру, помогал ему материально <...>. О его контрреволюционной деятельности мне ничего неизвестно».

Были передопрощены и другие «свидетели». Многие изменили свои показания в пользу невиновности епископа, и заявили, что «решительно не знают, как членов контрреволюционной организации, тех священников, против которых давали показания в 1937 году».

Аналогичным было и официальное «Заключение»: «Обвинение, предъявленное Руберовскому Михаилу Ивановичу, епископу Максиму, и другим, проходящим по настоящему делу, как в показаниях самих обвиняемых, так и свидетелей, не нашло своего должного подтверждения и обоснованно лишь на поверхностных и неубедительных показаниях свидетелей».

*Головкова Л.А.
(ПСТГУ)*

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ: ДЕЛО ЧЛЕНА АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО БРАТСТВА ИЕРОМОНАХА ВЕНИАМИНА (ЭССЕНА)

Речь в очередной раз пойдет о фальсификации следственного дела. Если я вновь поднимаю эту тему, то не для того, чтобы полемизировать с кем-либо или доказывать свою правоту, а исключительно для того, чтобы защитить. Защитить тех, кто не жизненным подвигом и мученической кончиной, а только выводами, сделанными по следственному делу, оказался отринутыми, не присоединенными к числу избранных.

Следственные дела, содержащие ценные сведения по истории Русской Православной Церкви, встречаются нечасто. В массе так называемые «церковные» дела довольно однообразны и специфичны. Они имеют свою четкую структуру, свой язык, устоявшийся набор обвинений, рискну даже сказать — определенный (тиражируемый) набор ответов обвиняемых. Если находиться в сфере исключительно «церковных» дел, не имея возможности (или желания) сравнивать их с другими, можно потерять ориентиры и довериться следствию более, чем оно того заслуживает. Конечно, все это в большей степени относится к делам 1930—1940—1950-х, чем 1920-х гг., которые не всегда, но все же несут на себе отпечаток личности обвиняемого и более информативны.

Кроме прямой фальсификации, обмана, грубого принуждения при получении необходимых следствию сведений, есть еще и такой фактор, как длительность следствия. Разве можно уравнивать скоропалительные дела 1937—1938 гг. с делами военного и послевоенного времени?! Бывало, от ареста до расстрела в 1937 г. проходило 2—3 дня (такое случалось, например, при повторных арестах людей, уже сидевших по тюрьмам и лагерям). Эти дела довольно часто завершаются непризнанием вины или обвиняемый признает себя виновным частично. Причем это относится в равной степени и к «церковным» делам, и ко всем остальным.

Но среди массы дел 1940-х гг. так называемых «непризнательных» дел и протоколов нет. Следствие 40-х гг. гораздо более длительное, мучительное, оно продолжается в течение многих месяцев, до года и более, по делу проходит масса свидетелей, в наличии огромное количество протоколов допросов, в то время как в 1937—1938 гг. это мог быть единственный допрос в четверть листа. Время допросов показывает нам, что применяется длительный «конвейер», от 50—60 часов до 30—40 суток. Этого не может выдержать никакой самый сильный духом человек. Известен только один случай, о нем рассказывались легенды, когда подсудимый выдержал в течение полугода почти средневековые пытки и не подписал нужных следствию показаний. Речь идет, как это ни странно, не о верующем человеке, который, уповая на Бога, получает чудесную помощь свыше, а о бывшем начальнике «Смерша», министре внутренних дел Викторе Абакумове (значит, бывают все-таки и такие случаи).

Имелась категория дел, которые по определению не могли остаться «непризнательными». Это — полностью сфальсифицированные дела о «шпионаже». За неимением дока-